

Олег Комолов:

«Мы являемся не просто сырьевым придатком, мы – периферия, а значит, выступаем в роли «кормовой базы» для западного мира»

Олег Комолов, кандидат экономических наук, доцент РЭУ имени Плеханова, автор Youtube-канала «Простые числа» рассказывает, почему сырьевые экономические отношения России и западного мира делают нас периферией, и чем это выгодно нашему правящему классу – сырьевому олигархату, сращенному с высшим чиновничеством. Он уверен, что ни смена министров, ни смена конституции, ни даже смена президента – не смогут чудесным образом обеспечить нам экономический рост, пока экономика и капиталы не окажутся под общественным контролем.

Какой диагноз Вы бы поставили нашей экономической системе, каковы сегодня ее самые проблемные точки? Какими должны быть рецепты для решения этих проблем?

Прежде чем ставить диагноз российской экономике, необходимо понять, какое место она занимает в международном разделении труда и вообще в каких отношениях находится с остальным капиталистическим миром. Мы живем сегодня в глобализированной экономике, и экономически нельзя одну страну вырвать из контекста общемировых тенденций. Россия является не просто, как это можно часто услышать, экономикой с низкой производительностью труда и со слабыми инновационными процессами. Наша экономика, в первую очередь, является частью мировой периферии. А это значит, что Россия наряду с большинством других стран мира выступает в роли источника развития для стран «центра», то есть для стран Западной Европы и Северной Америки, вступая в отношения неэквивалентного обмена с ними.

По сути дела, 20 лет в развитии нашей страны просто ушли впустую. Мы пришли туда же, откуда ушли.

Мы фактически отдаём значительную часть своего ресурса на их благополучие, вступаем в не выгодные для нашей экономики отношения, давая больше, чем получаем взамен. Это можно объяснить через теоретические модели, а если оперировать доступными статистическими данными, то мы можем обнаружить постоянно растущей отток капитала из российской экономики. Который возникает в связи с тем, что в России уже долгие годы, все последние десятилетия экспорт превалирует над импортом, создавая положительное сальдо. Мы продаём миру больше, чем от него

приобретаем, а разницу, которую Россия накапливает в виде иностранной валюты и золота, мы отправляем за рубеж в виде преимущественно портфельных инвестиций в западный мир. Фактически, мы сначала продаём европейцам нашу нефть и газ за евро, а потом этими же евро возвращаем около четверти этой суммы в виде инвестиций в их экономику. Соответственно, если мы ведем такой неэквивалентный обмен с западным миром, странно надеяться на то, что в этих условиях наша экономика могла бы стремительно развиваться.

А как же «тучные» 2000-е годы?

Был небольшой период времени 2002-2008 год, когда сырьевая модель давала возможность обеспечить высокие темпы роста. Но важно понимать, что дело было, конечно, не только в высокой цене нефти как таковой. В 2010-2012 году нефть тоже стоила очень дорого, но такого же развития мы не наблюдали, потому что рост в 2000-е был ростом восстановительным. Российская экономика после провала 90-х имела в начале 2000-х большой объём неиспользованных факторов производства: рабочей силы, капитала, земли. Простаивали заводы, оставались незасеянными поля, была гигантская безработица. Нефтедоллары позволили просто использовать эти ресурсы, быстро вернуть их в экономический оборот. Это обеспечило нам достаточно уверенный экономический рост. Но важно понимать, что этот рост исключительно восстановительный.

Ничего нового за 30 лет наша рыночная периферийная система не смогла предложить.

Кроме нефти в обмен на продовольствие, гаджеты, одежду и лекарства.

Многие об этом забывают, как будто это дела давно минувших дней. Но на самом деле только к 2010 году Российская Федерация смогла по уровню ВВП в реальном выражении достичь РСФСР 1990-го года. По сути дела, 20 лет в развитии нашей страны просто ушли впустую. Мы пришли туда же, откуда ушли. А потом как раз с 2010 года этот эффект закончился. С тех пор мы и не видели сколь-либо значимого движения вперёд. Тогда дальше возникает вопрос – а за счёт чего могла бы развиваться наша экономика?

И тут ничего нового за 30 лет наша рыночная периферийная система не смогла предложить. Кроме нефти в обмен на продовольствие, гаджеты, одежду и лекарства. Периферийный капитализм ничего иного предложить и не может. Смена министров, смена конституции, даже смена президента – это

не те вещи, на которые стоит делать ставку, и которые чудесным образом могут обеспечить нам экономический рост.

Почему все это бесполезно?

Мы являемся не просто сырьевым придатком, мы – периферия, а значит, выступаем в роли «кормовой базы» для западного мира. Поэтому все производственные отношения в нашей экономике подчинены этому периферийному положению. В ней не может быть долгосрочных капиталовложений. Вся стратегия российских инвесторов связана с сиюминутным извлечением прибыли и с эксплуатацией российских природных ресурсов. Несмотря на все заявления об импортозамещении, обещаниях прогресса и создания 25 млн высокотехнологичных рабочих мест, даже после 2014 года в условиях относительно невысоких цен на нефть, главным местом приложения инвестиций в основной капитал российской экономики остается все равно нефтегазовый сектор - порядка 18%. Приток инвестиций в эту отрасль даже вырос в последние годы. А остальные отрасли, особенно обрабатывающая промышленность, находятся в условиях недофинансирования. Но, опять же, почему? Потому что не для того в холодной войне западный мир обеспечивал поражение Советского Союза, не для того наша правящая элита перевела нас в категорию периферии, чтобы вступать в конкуренцию с Соединенными Штатами и с Европой. Нет, мы находимся на правах проигравших, а значит, в этом случае правящим классом будет выступать в чистом виде компрадорская буржуазия, выступающая в роли посредника, продающего наши ресурсы сырье, наши факторы производства западному миру.

Пока мы не обобществим природные богатства в нашей стране, все остальные реформы и дискуссии, все пожелания будут просто впустую озвученными тезисами.

Это очень важный момент. Это фундамент, без понимания которого совершенно бессмысленно строить экономические прогнозы, планы, какие-то проекты развития, Стратегии-2020 или 2050. Нам уже предлагали стратегии, но в этих стратегиях, по сути дела, основа остается та же. Мы все та же сырьевая периферия. Ну давайте, вот, немножечко денег мы направим частично на больницы, частично – мост построим, частично на армию что-нибудь забросим. Такое ручное управление, точечные проекты – бесперспективны. Правящий класс у нас остаётся таким, каким и был – сырьевой олигархат, сращенный с высшим чиновничеством, а его интересы остаются теми же - играть роль посредника отношений с западным миром. И

в этом контексте рецепты выхода из этого кризиса, которые можно озвучить, лежат, прежде всего, в плоскости политической, нежели экономической.

Вы считаете, что вот это периферийное положение – вовсе не секрет для наших правящих кругов и оно их устраивает? И менять его они не планируют?

Не просто устраивает, они являются главным выгодоприобретателем этой модели. Причём это проблемы не только России. И вот в чём я не согласен со многими спикерами Московского Экономического Форума это в том, что, якобы, кризис только в России, а другие страны стремительно растут. Конечно, в каждой стране своя специфика, но в целом мы можем видеть, что модель экономики, на которую мы ориентируемся, которую мы хотим видеть, европейский стиль жизни, уровень потребления, уровень социальной политики или, к примеру, «американская мечта» – все это свойственно только небольшой части современного мира, только 1\7 населения планеты живет в условиях того капитализма, который люди считают «правильным». А везде в других местах там какой-то капитализм получается «неправильный», «нерыночный», «недемократический». Права собственности не соблюдаются, нет демократии, нет свобод. Но их там и не может быть, потому что фактически мировая экономика – это пирамида, где господствующая верхушка концентрирует ресурсы, получаемые от фундамента.

Нужно планирование, когда на первый план выходит не максимизация прибыли отдельного инвестора, а решение задач, направленных на улучшение жизни всего общества.

То есть, сколько бы мы на Московском Экономическом Форуме не формулировали советов для правительства, Центрального Банка - наращивать госдолг через эмиссию, направлять инвестиций в те или иные сектора – это всё просто благие пожелания. Потому что там не глупые люди сидят. Они прекрасно все понимают и действуют в соответствии со своими классовыми интересами. Поэтому пока не будет решен вопрос о собственности, пока она не станет в полном смысле общенародной, пока мы не сконструируем институты общественного контроля над крупной собственностью, пока мы не обобществим природные богатства в нашей стране, все остальные реформы и дискуссии, все пожелания будут просто впустую озвученными тезисами.

А бывали примеры выхода страны из такой схемы? Когда какое-то государство взяло и вышло из роли периферии и сломало эту игру?

Пример того, как периферийная экономика и полупериферийная Российская империя вышла из этого состояния – через революцию 1917 года. Это позволило нашей стране сконцентрировать наши ресурсы внутри собственной хозяйственной системы. Я напомним, что до революции в Россия занимала схожее положение в мире, что и сегодня. Тогда гнали на экспорт зерно, а сейчас нефть. Иностранцы получали тогда до 300% отдачи капитала в российской экономике, такой нормы прибыли не было в европейских странах. И вот эта «труба», по которой западный капитал выкачивал ресурсы нашей страны, была перерублена октябрьской революцией. Эти ресурсы остались внутри страны, и с помощью этих ресурсов мы смогли провести индустриализацию, поднять науку и образование, победить в войне и запустить человека в космос.

Это всё взялось не с неба, а потому что мы наши ресурсы сохранили для себя, вышли из глобальной капиталистической мир-системы, попытались построить свою. Да, не получилось в конкретных исторических условиях. Но, к сожалению, иного шанса нет. До тех пор, пока мы находимся в отношениях глобального капитализма, пока мы члены ВТО, пока наша страна функционирует в рамках глобальной торговли, глобальных потоков капитала, инвестиций, товаров и рабочей силы, мы оказываемся в подчиненном положении. Но главный вопрос тут заключается в том, кто продвигает интересы западного капитала в нашей стране. Это наши крупные собственники. Они, конечно, заявляют, что беспокоятся о судьбе нашей страны. Но на самом-то деле, по сути, лишь охраняют свое господствующее положение для того, чтобы просто получать посреднический процент от своей чисто компраторской роли в нашей экономике.

Представим себе, что у власти в России находятся люди, которые хотели бы поменять эту парадигму, направить все ресурсы страны на развитие России. Но ведь многие отрасли промышленности у нас фактически почти ликвидированы. Мы не производим микроэлементы для компьютеров, например. Можно ли мечтать о каком-то восстановлении, или, может быть, «поезд ушёл» и сейчас уже мы всё равно никого не догоним?

Безусловно, ресурсы для восстановления у нас есть. Во-первых, всё-таки надо понимать, что Россия – это не Молдавия или Эстония, не какая-то маленькая европейская или азиатская страна, не имеющая собственного веса в

мировой политике. Россия – одна из крупнейших стран мира с огромным запасом природных ресурсов. У нас остается еще некоторое влияние на постсоветском пространстве. Хотя, конечно, наша власть постоянно его теряет. Существует представление, что весомую роль в мировой политике могут играть образования численностью от 300 млн человек. Условно говоря – это Россия и бывшие страны Советского Союза, возможно еще распространяя свое влияние на страны Ближнего Востока. Конечно, роль играет не только численность населения, но и природные ресурсы, и военный потенциал. Но в любом случае Россия – всё ещё достаточная единица в мировой политике, чтобы выступить двигателем этих перемен. Больше 100 лет назад так и произошло.

Россия – всё ещё достаточная единица в мировой политике, чтобы выступить двигателем перемен.

Сегодня предпосылки для такого сценария есть. Вспомните, как была популярна идеология западного глобализма в двухтысячные годы. Даже в аутентичных учебниках по английскому языку для школьников середины 2000-х говорилось, что мы будем, как на трамвае, ездить в гости в разные страны. Но мы видим, что от этих дискуссий осталось лишь одно воспоминание. Повсюду санкции, тарифные войны, протекционизм. Не только против России или Китая. Страны НАТО друг против друга применяют экономические ограничения, к власти приходят изоляционисты и это приводит к дальнейшему обострению политических отношений.

Здесь для нашей страны есть два сценария. Или мы будем по примеру других стран идти по пути вот этого изоляционизма, закручивания гаек, концентрации этой идеологической линии вокруг политического господства нынешнего правящего класса или же эту ситуацию можно использовать для смены политической парадигмы и возрождения идеи социализма, идеи народовластия и коллективизма – власти коллективно организованного трудящегося класса. Поэтому нынешнюю ситуацию можно использовать двояко – или окончательно загнать нашу страну дальше в полную периферию, потому что наш правящий класс не способен в нынешнем виде противостоять Западу, или использовать эту ситуацию для выхода из кризиса, но тогда каждый должен взять на себя ответственность и стать субъектом политики.

В той системе, о которой Вы говорите, нашлось бы место национально- и социально-ориентированному бизнесу? Если мы не берём олигархов, тех кто выкачивает ресурсы из страны, а говорим о людях, которые готовы создавать своё дело, с нуля организовывать

производство? Когда национально-ориентированные предприниматели и формы коллективной собственности сосуществуют?

Для того, чтобы попытаться очертить границы будущей экономической модели, которая подходила бы для нашей страны, нужно посмотреть – вообще, в каком направлении развивается современный капитализм? А мы видим, что он идёт по пути монополизации, пути концентрации капиталов, централизации производства, то есть, по сути дела он отходит от традиционного представления о свободном рынке, и всё дальше идет в сторону экономического планирования. Только в роли плановых органов поступает не советский госплан, а частные корпорации. И производство и потребление они планируют не в общественных интересах, а своих личных, узкособственнических, направленных на максимизацию прибыли. По этой причине, как мне представляется, здесь не нужно бороться с ветряными мельницами и идти против течения. Необходимо воспользоваться сложившейся экономической конъюнктурой и ускорить процесс концентрации капитала, но только объединив капитал под общественным контролем. Отмечу, что я говорю об общественных формах собственности, а это совершенно необязательно государственная собственность, которая является лишь одной из форм общественной.

Но самое главное, мы должны идти по пути концентрации производственных мощностей для того, чтобы обеспечить эффективную работу механизмов планирования. До тех пор, пока мы находимся в условиях частной собственности, пусть даже крупные предприятия и отдельные производства принадлежат разным собственникам, всё-таки по объективным причинам, каким бы хорошим человеком не был собственник, он всегда как рыночный игрок исходит из представления о личной прибыли. И в этом случае сложно организовать общее государственное эффективное планирование. Не индикативное планирование, когда государства составляет рекомендации для собственников производства, а то планирование, которое могло бы ставить и реализовывать стратегические цели. Когда на первый план выходит не максимизация прибыли отдельного инвестора, а решение задач, направленных на улучшение жизни всего общества.

Мы смогли провести индустриализацию, поднять науку и образование, победить в войне и запустить человека в космос – это всё взялось не с неба, а потому что мы наши ресурсы сохранили для себя, вышли из глобальной капиталистической мир-системы, попытались построить свою.

Я имею в виду в том числе и все проекты, которые не приносят сиюминутной прибыли, а значит, инвесторам, как правило, не очень интересны, но которые создают платформу для решения долгосрочных задач. Это, например, такие проекты, как борьба с неграмотностью в СССР или план электрификации. Это были огромные капиталовложения, колоссальные издержки со стороны общества, которые дали отдалённый, но очень весомый результат. Всё это можно сделать, лишь сконцентрировав все в одних руках – управлять производственными мощностями, предсказывать экономическую конъюнктуру, предсказывать спрос. Поэтому разделение этих активов между большим количеством собственников, пусть даже крупных, пусть даже национально-ориентированных, или ставка на развитие малого бизнеса, например, когда все сидят по своим лавчонкам, делает такое планирование малоэффективным. Поэтому с процессом концентрации капитала не надо бороться, его надо использовать в интересах общества.